

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202>

География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте

К. Б. Кудланов¹

¹Курское региональное отделение Российского общества историков-архивистов
ул. Ленина 57, г. Курск 305000, Российская Федерация

e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье раскрывается вопрос географии заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте, в XVII веке. Период строительства этой оборонительной системы автор подразделяет на два временных отрезка, различных по своему характеру заселения, и выявляет взаимовлияние различных факторов на доминирование роли сведенцев и сходцев при освоении территории. Новизна исследования состоит в обобщении закономерностей заселения уездов Центрального Черноземья на основе анализа источниковой базы. Исследователь устанавливает масштабы всего этого движения населения.

Цель – выявление особенностей географии заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте.

Задачи: отдельное поочередное рассмотрение географии заселения 5 уездов Центрального Черноземья.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный анализ, статистический метод наблюдения и картографический метод исследования.

Результаты. Автором прояснены места выходов служилых людей некоторых уездов Центрального Черноземья, что неоспоримо важно в изучении как генеалогии и краеведческой истории, так и истории однодворческого сословия в целом.

Вывод. В географии заселения уездов Центрального Черноземья в 30-е годы XVII века доминирующее положение в переселенческом движении играли сходцы, а в 40-е годы XVII века – сведенцы. Роль сведенцев и сходцев в заселении местности определяли безопасность местности, геополикация заселяемой территории и социальная политика государства. Основной поток переселенцев двигался с севера, в основном из крепостей Тульской оборонительной черты, хотя имелась уже значительная местная траектория. Масштабы всех этих переселений были колоссальными.

Ключевые слова: служилые люди; однодворцы; сходцы; сведенцы; переселенцы; уезд; Центральное Черноземье; Белгородская черта.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кудланов К. Б. География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 188–202. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202>.

Поступила в редакцию 28.06.2022

Принята к публикации 21.07.2022

Опубликована 31.08.2022

Geography of Settlement by Military Service People of Countries Located on the Belgorod Line

Konstantin B. Kudlanov¹

¹Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists
57 Lenina Str., Kursk 305000, Russian Federation

 e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Abstract

Relevance. The article reveals the issue of the geography of settlement by military service people of counties located on the Belgorod line in the XVII century. The period of construction of this defensive system, the author divides into two time periods, different in nature of settlement. The author reveals the mutual influence of various factors on the dominance of the role of resettled people in military service and unauthorized migrants during the settlement of the territory. The novelty of the study lies in the generalization of the regularities of the settlement of the counties of the Central Chernozem Region, based on the analysis of the source base. The researcher establishes the scale of this entire population movement.

Purpose – Identification of the peculiarities of the geography of settlement by military service people of counties located on the Belgorod line.

Objectives: separate sequential consideration of the geography of settlement of 5 county of the Central Chernozem region.

Methodology. In the process of working on the study, author used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective analysis, a statistical method of observation and a cartographic method of research.

Results. The author clarified the places of exits of service people in some districts of the Central Chernozem region, which is undeniably important in the study as genealogy, as local history, and the history of the Smallholders estate, in general.

Conclusion. In the geography of the settlement of the counties of the Central Chernozem region in the 30-s XVII century the dominant position in the resettlement movement was played by unauthorized migrants, and in the 40-s XVII century – resettled people in military service. The role of the resettled people in military service and unauthorized migrants in settling the area was determined by the safety of the area, the geolocation of the area to be settled, and the social policy of the state. The main flow of settlers moved from the north, mainly from the fortresses of the Tula defensive line, although there was already a significant local trajectory. The scale of all these migrations was colossal.

Keywords: military service people; warriors; single-court people; smallholders; settlers; county; Central Chernozem region; Belgorod line.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kudlanov K. B. Geography of Settlement by Military Service People of Countries Located on the Belgorod Line. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(4): 188–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-4-188-202>.

Received 28.06.2022

Accepted 21.07.2022

Published 31.08.2022

Введение

Важным событием, ускорившим заселение южных окраин России, было сооружение в 1635–1653 гг. Белгородской черты. Эта система укреплений протяну-

лась на 798 км с востока на запад от р. Ворсклы до р. Челновой – притока Цны (по территории пяти современных областей: Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской). На

ней было построено более 20 городов [1, с. 18–21]. Некоторая их часть стала уездными центрами, городской статус других впоследствии был упразднен и они стали селами. Изучение географии заселения этой местности начнем с уездов, расположенных на самой черте, а именно: Тамбовского, Козловского, Коротоякского, Новооскольского и Корочанского. Первые два служилых города были основаны в 30-х годах, а остальные – в 40-х годах XVII века. Основная разница между двумя этими периодами заселения состояла в том, что в первом доминировали сходцы¹, а во втором – сведенцы². Масштабы движения населения в это время были колоссальны. По замечаниям специалиста по Белгородской черте, профессора ВГУ, д-ра ист. наук В. П. Загоровского, только в 1647 г. были подняты с обжитых мест тысячи людей, некоторые города теряли по 30–40% своего населения [2, с. 236]. Не меньшие масштабы прослеживались и в 30-х годах XVII века.

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общих траекторий движения служилого населения в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретные уезды и селения) в широкий исторический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления географии заселения рассматриваемой нами территории. Статистический метод наблюдения позволил выявить роль тех или иных мест выхода в географии заселения изучаемых нами уездов. Картограф-

ический метод исследования позволил сопоставить территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX в. в изучаемой нами местности. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности заселенческих траекторий служилых людей в уездах, расположенные на Белгородской черте.

Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения уездов. Историко-генетический метод раскрывал изменение особенностей заселения под влиянием правительственные законодательных мер. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место географии заселения некоторых уездов, размещенных на Белгородской черте, в исторической ретроспективе всей географии заселения Центрального Черноземья.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение географии заселения начнем с Козловского уезда. Первая линия Белгородской засечной черты была заложена в 1635–1637 гг. в верховьях р. Воронеж. Именно в этот период были основаны г. Козлов и Козловский у., а также прилегающий к нему Тамбовский у. с городами Тамбовом и Нижним Ломоносовым³.

На этой территории имелось местное население. Специалист по исторической демографии, д-р ист. наук профессор ТГУ Ю. А. Мизис пишет, что накануне строительства г. Козлова в непосредственной близости от него на р. Воронеж и Матыра существовало несколько групп населенных пунктов. В 1636 г. козловские воеводы получили разрешение правительства приписать к новому городу села и деревни, расположенные от него в радиусе 50 километров. Эта мера представляла возможность привлекать отсюда

¹ Сходцы – различные социальные элементы, добровольно сошедшие на выбранную ими местность для жительства или службы.

² Сведенцы – служилые люди, сведенные на новое место жительства в принудительном порядке.

³ Алферова Г. В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI–XVII вв. (на примере г. Козлова и его уезда). URL: <https://Shapkino.ru> (дата обращения: 20.06.2022).

на строительные работы даточных людей [3, с. 29]. Вполне вероятно, что впоследствии значительная их часть вошла в состав служилых людей.

Последний вывод можно сделать на том основании, что при заселении этой крепости в 1635 г. не было применено традиционное принудительное сведение служилых людей [4, с. 300]. Новшество состояло в том, что правительство обратилось с призывом к «вольным охочим людям» украинных городов идти в г. Козлов [5, с. 549]. Широко обнародованный царский указ открывал выход из крестьянства массе обедневшего служилого люда и их потомкам, которые по бедности и от разорения после 1613 г. ушли в крестьяне: «за разными помещики и вотчинники, и за монастыри, и за всякими людьми» [4, с. 300].

С одной стороны, этот указ был вполне справедливым, однако он же предоставлял юридическую лазейку для бегства крестьян, которые прежде никак не относились к служилым людям. И тогда этот принцип добровольности для одних становился принуждением для других, а именно для оставшихся в поместьях крестьян и их владельцев. О первых Ю. А. Мизис писал, что местные приказчики и крестьяне противились уходу своих товарищей, т. к. оставшиеся были вынуждены платить налоги за беглецов. Однако ни угрозы «утопить», ни избиения, ни грабеж не останавливали поток переселенцев [6, с. 77]. Убытки же для вторых состояли в том, что помимо лишения своих крестьян, с построением новых городов частные владения уже не могли привлекать к себе пришлое население в такой степени, как раньше [4, с. 303].

Молва о свободном приеме на службу в Козлов и невыдаче оттуда по искам владельцев разнеслась не только по смежных уездам, но и далеко за их пределы [4, с. 301–302]. Сюда хлынул массовый поток переселенцев, особенно из числа помещичьих крестьян. Уже в 1636–

1638 гг. в Разрядный приказ посыпались жалобы помещиков [6, с. 77]. Знаменный тамбовский специалист по освоению юга России, д-р ист. наук, профессор АН СССР А. А. Новосельский подсчитал, что в течение 1636–1639 гг. подобным передвижением в Козловский у. воспользовалась как минимум 171 семья (т. е. всего около 770 душ, если считать по 4,5 души на семью). Основная масса вышла из Рязанского у. (79 семей от 19 владельцев), Рязанского у. (22 – от 7), Елецкого у. (14 – от 12), Касимовского у. (11 – от 2), Шацкого у. (7 – от 3); менее дали Московский у. (6), Тульский у. (5), Данковский, Каширский, Белевский, Соловский, Пронский, Чернский, Лихвинский (от 1 до 4 семей) уезды [4, с. 303].

Известен еще факт жалобы воронежцев в 1638 г. на бегство в Козлов из их поместий более 300 крестьян [6, с. 77]. Немного ранее в 1637 г. туда же пришла группа крестьян из Нижегородского, Устюженского и других уездов [4, с. 301–302]. Ю. А. Мизис к этому списку добавляет еще беглецов из Лебедянского и Рязанского уездов [6, с. 77]. К этому списку можно присовокупить еще некоторые места выхода козловских новоприборных служилых людей, используя этимологический анализ фамилий бывших беглых, выдававших себя за казаков. Например, назвавшийся казаком крестьянин Алаторского у. в списках от 20 февраля 1636 г. воеводами г. Козлова был записан под прозвищем «Алаторец». Помимо него, в этих же списках учтены служилые люди из крестьян: Казанец, Курмышанин, Судалец и др. [7, с. 52], бывшие из уездов, которые нами уже перечислены.

Однако в состав козловских служилых людей вошли не только беглые крестьяне. Например, в 1637 г. в Козлов пришел посадский человек из Костромы [4, с. 301–302], а в 1651 г. принудительно был сослан на вечную ссылку в стрельцы г. Козлова сторож московского Чудова монастыря Л. Тимофеев [6, с. 81]. Исследователь В. В. Нечаев пишет, что в пер-

ые годы после основания Козлова в полковые казаки записывалось много выходцев из старинных служилых родов, особенно рязанского служилого дворянства, которое «поставило» в Козлов наибольшее число представителей своей корпорации. Он это выяснил косвенно, когда сопоставлял источники из разрядного приказа по составу Полковой, Пригородной и Заворонежской слобод г. Козлова¹, с фамилиями, которые были распространены среди рязанского служилого дворянства в XVIII в. Однако среди полковых казаков встречаются дворянские фамилии и из других уездов. Например, служивший в 1650 г. пятидесятником полковых казаков Д. Саломахин происходил из рода детей боярских, служивших в Усмани и других городах, а Е. Угримов и И. Чепелев являлись носителями фамилий старинных дворянских родов Тулы и Воронежа соответственно [7, с. 57].

Благодаря таким приемам набора служилых людей заселение г. Козлова с уездом произошло с необычайной быстротой. В 1636 г. И. Биркину² было указано набрать в Козлов 590 человек. Пострение и заселение двух новых острожков, входивших в систему укреплений под Козловом (Бельского и Чернавского) повлекло расширение первоначальной нормы еще на 600 человек. В 1638 г. в Козлове было уже более 1 300 служилых людей, а в 1645 г. – 2 276, не считая и посадских людей, и 1143 детей, племянников и захребетников служилых людей,

¹ В Списке Д. М. Несвицкого (1651 и 1652 гг.), в Сметной книге В. Н. Лихорева (1657–1659 гг.), Сметном списке И. А. Вельяминова (1664–1665 гг.).

² Биркин Иван Васильевич (ок. 1568 – 1643). Воевода ряда крепостей: Ряжска (1617–1619), Данкова (1629–1630), Воронежа (1631–1632) и др. В 1632 г. пожалован в ясельничие и назначен в Конюшенный приказ. Оттуда в 1635 г. послан в поле, вместе со своим зятем М. И. Спешневым, на руководство строительства г. Козлова и Козловского вала [8, с. 179].

способных носить оружие [4, с. 301–302]. Специалист по четвертному землевладению Н. А. Благовещенский на их счет писал, что по описи 1672 г. такого громадного количества служилых людей не было ни в одном городе на окраине государства. Кроме 1 232 рейтаров, состоявших на действительной службе, там числилось еще 4 552 чел. боярских детей «городовой службы». Кстати, все они раньше других стали заниматься хлебопашеством, т. к. могли сидеть дома [9, с. 271]. В 80–90-е годы XVII века их количество еще увеличилось за счет нового самовольного перемещения служилых людей и крестьян из более северных районов страны [1, с. 19].

Если говорить об упомянутом Чернавском острожке, то его сходцы мало чем отличались от козловских. Правительством здесь была применена та же методология заселения. Для чего московское правительство снова свою первую ставку сделало на обедневших служилых людей и их потомков, разоренных и сбитых с места событиями первого и второго десятилетий XVII в. По подсчетам А. А. Новосельского, эта категория занимала значительный процент, затем следовало немалое число настоящих крестьян с «отпускными» и, наконец, меньше всего было «вольных людей» неопределенного социального положения [4, с. 299–300].

Подводя итог по этому уезду, отметим, что благодаря особому методу своего заселения и географии своего расположения Козловский у. имеет более разнообразную географию заселения, нежели иные более западные уезды Центрального Черноземья. Особенno отличалась северо-восточная траектория, протекавшая из городов Костромы и Казани однотипных губ., г. Суздаля Владимирской губ., г. Алаторя Симбирской губ., Нижегородского и Курмышского у. Нижегородской губ., а также близлежащей Рязанской губ. (Рязанского, Ряжского, Касимовского, Шацкого, Данковского, Пронского у.). Остальные места выхода

были привычны для других уездов Центрального Черноземья. Это северо-западная траектория, которая была представлена Устюжной, Железнопольской, Новгородской губ., Москвой и ее уездом одноименной губ., а также Тульской губ. (Тульский, Каширский, Белевский, Черн-ский, Лихвинский, Соловский у.). Местная западная траектория была представлена Елецким у. Орловской губ., Лебедянским и Усманским у. Тамбовской губ., а местная южная – Воронежским у. одноименной губернии.

Теперь перейдем к следующему уезду. Город Тамбов был заложен 17 апреля 1636 г. «за Шацком в степи», где находилась «крайняя мордовская деревня Тонбова»¹. Строительство города привело к активному заселению нового уезда служилыми людьми. Формирование воинского контингента Тамбовского уезда стало первоочередной задачей воеводы [6, с. 78]. Принципы набора при заселении Тамбова были теми же, что и в Козлове, но первый имел перед вторым большие преимущества. Отдаленность Тамбова уже сама по себе защищала поселявшихся там лиц от возврата, поэтому там спасались даже козловцы, подвергавшиеся угрозе возврата их прежним владельцам. В этой связи между строителями Козлова и Тамбова возникла конкуренция. Таким образом, Тамбов сразу приобрел славу места, откуда «никакие выдачи никоим людям нет» [4, с. 302].

Р. Ф. Боборыкин² распространял по уездам и городам призыв к вольным и охочим людям идти в Тамбов. Более того, он подал в Москву жалобы на задержку людей, шедших туда, и добился рассылки по городам грамот с угрозой опалы воеводам, если они будут тормозить дело [4, с. 302]. Приглашение на заселение в но-

вый город зачитывалось на торговых площадях русских городов [6, с. 77]. Специальный правительственный указ разрешал воеводе обращаться с призывом о переезде в новый город к населению соседних Воронежского, Ливенского, Сапожковского, Лебедянского, Михайловского, Данковского, Ряжского, Мценского, Новосельского и Шацкого уездов [6, с. 78].

Население смежных уездов особенно быстро и сильно отзывалось на обращение правительства и уходило массами в новый город. А. А. Новосельский объяснял это прежде всего тем, что выросшие здесь частные владения сами заселялись за счет сходцев. С тех пор территория Тамбовского у. стала одним из основных центров сосредоточения пришлого населения и сохраняла это значение и в последующие десятилетия [4, с. 302]. Часть сходцев влекла возможность получить волю, всех же – землю. Основная их масса была из соседних уездов: Шацкого, Ряжского и Рязанского. Но встречались и жители дальних местностей: Смоленского, Ржевского, Дорогобужского и Московского уездов³. Так выглядела внешняя северная траектория заселения Тамбовского уезда [10].

Местная же северная траектория была представлена казаками из Шацкого у. с. Конобеева, которых заселили в саму Тамбовскую крепость¹. Южная траектория заселения протекала из будущей Области Войска Донского. Например, известно, что в сл. Кузьмину Гать Тамбовского у., основанную в 1636 г., на постоянное жительство для несения службы были переведены 45 донских атаманов и казаков [6, с. 79].

Возможно впоследствии в состав служилых людей Тамбовского у. просочились и другие социальные элементы.

¹ История Шацка. URL: <https://62info.ru> (дата обращения: 20.06.2022).

² Роман Федорович Боборыкин (1610–1682). Русский государственный деятель XVII в.: воевода, окольничий, член Боярской думы, основатель г. Тамбова [11, с. 78].

³ Мизис Ю. А. Из истории заселения Тамбовского края. URL: <https://tambovgrad.ru/content/materials/80-Iz-istorii-zaselenija-Tambovskogo-kraja.html> (дата обращения: 20.06.2022).

Во-первых, украинские переселенцы, в основном из Слободской Украины [6, с. 78], во-вторых, мелкопоместные дворяне из соседних Ряжского, Шацкого и Переяславль-Рязанского у., которые хлынули на тамбовщину в первые десятилетия XVIII в. [11, с. 46], в-третьих, местные дворцовые крестьяне верхоценской волости [11, с. 35], которые сформировались из беглых русских крестьян и циннекской мордвы. Кстати, часть последней впоследствии была ассимилирована [12, с. 12], возможно даже в составе мелких служилых людей. В-четвертых, жители тамбовского посада, где наблюдались переведенцы из Шацка, Переяславль-Рязанского, Коломны и других городов [13, с. 332–333], могли попасть в состав однодворцев. Подтверждением последнего предположения являются примеры из Суджанского уезда. Там часто при заселении деревень встречались служилые люди, вышедшие из посадов разных городов Курской губернии. Например, один из них «живал в Обояни на посаде в казаках» [14, л. 67–72].

Таким образом, и в заселении Тамбовского у. доминировала северная траектория. Известны северо-западные сходцы из Ржевского у. Тверской губ., Московской губ. (Коломенского и Московского у.), Смоленской губ. (Дорогобужского и Смоленского у.), Новосильского у. Тульской губернии. Ближняя северо-восточная траектория двигалась из Орловской губ. (Мценского и Ливенского у.), а ближняя северо-восточная – Рязанской губ. (Михайловского, Данковского, Ряжского, Сапожковского и Рязанского у.)

Особенность заселения этого уезда состояла в сильной местной траектории из Тамбовской губ., протекавшей из Шацкого, Лебедянского и частично Козловского у., а также из самого же Тамбовского уезда. Местная южная траектория протекала из Воронежского у. той же губернии, а внешняя южная представлялась казаками из будущей области Войска Донского.

Теперь перейдем к географии заселения Коротоякского уезда. Летом 1647 г. было принято решение о строительстве г. Коротояка. Уже в 1648 г. «на вечное житье» туда посыпалось 500 человек: 404 казака, 50 боярских детей, 30 стрельцов и 16 пушкарей [2, с. 238]. Социально-географический состав сведенцев выглядел следующим образом. В 65 метрах от города [15, с. 78] были устроены слободы для 450 служилых людей по прибору [16, с. 287]: 185 казаков и 15 стрельцов из г. Чернавска, 76 казаков и 8 пушкарей из г. Данкова, 50 казаков из г. Ефремова, 35 казаков и 15 стрельцов из г. Талецка. 33 казака из г. Епифани, 25 казаков и 8 пушкарей из г. Лебедяни [2, с. 238]. 50 детей боярских из г. Ельца [17, с. 153] испоместили (поселили) в с. Голдаевка, расположенному возле реки Дон в 5 км от Коротояка [2, с. 238].

Кроме сведенцев, в Коротояк и Урыв явилось и некоторое число вольных людей. Туда, как и в Костенек и Ольшанске, пришли крестьяне из Борщева монастыря Воронежского уезда [4, с. 409]. Наверное, о них же пишет специалист по движению однодворцев и краевед М. А. Германов [16, с. 287], ссылаясь на сведения военно-статистического обозрения [15, с. 78]. Появлялись в Коротоякском у. и приенные люди из Новосильского, Тульского и Рязанского у., хотя и в незначительном количестве. Их приток туда был значительно, если бы правительство не предписывало строителям Коротояка и Урыва воздерживаться от приема в службу крестьян, бобылей и холопов [4, с. 409].

Учитывая, что знаток однодворческих говоров Д. К. Зеленин, помимо означенных мест выхода, добавляет еще Усерд, Оскол и Усмань [13, с. 76], а М. А. Германов – еще и Новый Оскол [16, с. 285], то можно предположить, что все эти выходцы переселились в Коротоякский у. в последующее время. И действительно, это подтверждается в дальнейшем заселении уезда.

Так, с. Старое и Новое Уколоно были образованы около 1660 г. служилыми людьми из городов Старого и Нового Оскола [16, с. 292–293]. Село Сторожевое было населено около 1680 г. выходцами из с. Сторожевого Усманского уезда [16, с. 289]. Село Усть-Муровлянка стало населяться в конце XVII в. выходцами из г. Чернавска и других мест [16, с. 289–290]. Село Солдатское заселено в конце XVII в. выходцами из разных мест Воронежской губернии [16, с. 289]. Село Камызино основал З. Камызин, прибывший туда с другими 11 семьями из Усерда. Потом в село стали являться переселенцы из других мест [16, с. 291]. В конце XVII в. выходцами из разных губерний было заселено с. Заломное [16, с. 292]. По преданию жителей, с. Прилепы было основано в конце XVII – начале XVIII в. выходцами из с. Прилеп Ефремовского у. Тульской губернии [16, с. 290]. Первопоселенцем с. Афанасьевского в первых годах XVIII в. стал Афанасий Вихров, пришедший с другими 15 семьями из Ельца. Потом добавилось 11 дворов поселенцев из Старого Оскола, а спустя несколько лет явились новые переселенцы из Ельца, Старого Оскола и Орла [16, с. 291].

В переписи однодворцев 1722–1723 гг. Урываского острога Коротоякского у. мы встречаем выходцев из с. Городецкого Ливенского у., с. Редихина и г. Тальца Елецкого уезда. Помимо них, туда заселились местные однодворцы из г. Коротояка и сел этого уезда Яблочного, Оскино и Верхней Девицы [17, с. 19]. Предки жителей с. Веретепниково в сер. XVIII в. вышли из Елецкого уезда [16, с. 291].

В «Переписной книге однодворцев... Урываского острога 1744 г.» [17, с. 23–26] в той крепости насчитывалось 66 однодворцев, 2 однодворца пришли неизвестно откуда. По 1 душе вышло с северо-востока из г. Скопина того же уезда Рязанской губ., с запада из с. Бораково Старооскольского у. Курской губ., с отда-

ленного северо-запада из сл. Покровской Чирковского у. Могилевской губернии. 63,6% от всех урывацев пришло из Орловской губ. (42 однодворца): 6 из г. Ливен того же уезда и 36 из Елецкого уезда. Последние выходцы были из следующих селений: по 1 душе из г. Ельца и сел Копеха, Бурки, Рогожское, Морево, Студенец, по 2 души из с. Яблоново и 28 однодворцев прибыли из Тальца.

Вместе с тем 28,8% от всех однодворцев из Урыва пришло из Воронежской губ. (19 душ). По 1 чел. из г. Землянска, с. Девицы Воронежского у., с. Каршево Битюцкого у., Лисогорской пустыни Новохоперского у., сел Новосолдатское и Селянное Коротоякского у., с. Рудкино Костенского у. и сл. Белогорье Острогожского уезда. По 2 души из с. Подклетное Воронежского у. и г. Острогожска одноименного уезда. Местная траектория из Коротоякского у. была представлена 3 душами из Урыва и 5 – из Коротояка. Если сопоставить данные двух первых ревизий по г. Урыва, то мы видим, что большая часть однодворцев этого острога сменилась. Это говорит о масштабном движении среди служилых людей этой местности. Только Талец и Коротояк являлись общими местами выхода этих двух групп однодворческих заселенцев Урываского острога.

Подводя итог по Коротоякскому у., отметим следующее. Северо-восточная траектория представлена выходцами из Рязанской губ. (городов Скопина и Данкова, а также Рязанского у.), Тамбовской губ. (Усманского у. и г. Лебедяни), а северо-западная – представителями из Тульской губ. (Новосильского, Тульского, а также г. Ефремова и Епифани), Орловской губ. (Чернавска, Талецка, Ельца, Орла и Ливен). Ближняя западная траектория состояла из курских выходцев (г. Старого и Нового Оскола), а местная – из разных мест Воронежской губ. (Воронежского, Землянского, Бобровского, Нижнедевицкого, Новохоперского, Острогожского, Коротоякского у., а также

г. Усерда будущего Бирючанского уезда). Западная траектория была представлена Чирковским у. Могилевской губернией. Таким образом, переселенческая траектория Коротоякского у. с середины XVII – начала XVIII в. в основном ограничивается городами Центрального Черноземья с редкими единичными исключениями.

В течение 30–40-х годов все окраинное пространство от Дона до Белгорода, и тем более далее на запад до р. Ворсклы, не привлекало к себе вольной народной колонизации, что было связано с частыми татарскими нападениями со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов [4, с. 295]. Сверх того, воеводам, строившим города в этой местности, строго предписывалось принимать на службу «самых свободных людей», т. е. не из службы и не из тягла, и не крепостных [4, с. 304]. Таким образом, географическая особенность этой местности состояла в том, что большая часть размещенного там служилого населения состояла из сходцев. Для того чтобы это отобразить, рассмотрим Новооскольский уезд.

Город Царев-Алексеев (в 1655 г. переименованный в Новый Оскол) был основан в 1647 г. Он заселялся с большим трудом из-за вышеупомянутой повышенной опасности, поэтому методы переселения туда были принудительными. В течение 1647–1649 гг. в Царев-Алексеев планировалось переселить 803 служилых человека. Из Оскола предписывалось свести 183 человека (50 станичников, 40 стрельцов, 70 казаков, 19 пушкарей, 4 воротника), из Ливен – 280 (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов), а из Ельца – 340 (50 детей боярских, 86 стрельцов, 4 дворника [2, с. 236] и 200 казаков [13, с. 49]). Относительно последних отметим, что их явилось 196 душ, а именно: 131 полковой, 32 беломестных и 33 «задонских» конных казаков [18, с. 153].

Правительство требовало, чтобы воеводы выбирали для переселения на черту «семьянистых» служилых людей, «у

кого сына по два и по три и больше» [2, с. 236]. Успехи выполнения этого предписания видны из общего количества мужского населения города в 1649 г., которое равнялось 794: 200 отцов семейств, 362 сына и 232 родственника [19, с. 163–164]. Таким образом, «семьянистость» последних действительно прослеживалась.

В целом необходимо отметить, что первоначальная география заселения Новооскольского у. была однообразной, сплошь представляя северную траекторию. 22,8% от всех сведенцев в Царев-Алексеев составляла местная северная траектория из близлежащего Старого Оскола. Остальных же 87,2% свели из более северных местностей Орловской губ. (42,3% – из Ельца и 34,9% – из Ливен).

Переходя к Корочанскому у., отметим, что впоследствии к нему были приписаны три крепости Белгородской черты: Нежегольск, Яблонов и Короча. Специалист по истории освоения Центрального Черноземья, канд. ист. наук, доцент БелГУ, А. И. Папков служилый состав гарнизона г. Корочи рассматривал как исключение из общего правила формирования населения крепостей юга России [20, с. 227]. Н. А. Благовещенский это объясняет тем, что в Короче было сразу поселено много черкас [9, с. 325], ставших впоследствии войсковыми обывателями. Его слова подтверждаются данными по численности населения г. Корочи за 1817 г., где проживало 3 900 войсковых обывателей и всего 1 708 однодворцев [21, л. 240–242]. Действительно, подобного соотношения в гарнизонах городов Курского края больше не встречалось.

Этот город не сделался центром со средоточения пришлого беглого населения. Вызвано это было тремя основными причинами. Во-первых, своеобразной земельной теснотой, получившейся из-за столкновения служилых людей с крестьянами посошной Корочанской волости. Во-вторых, повышенной опасностью, а в-

третьих, усложнением процедуры верстания в служилые люди беглых, как в близлежащем Яблонове. По этим причинам население Корочи до начала 50-х годов росло очень медленно, в основном за счет сведенцев и черкасской колонизации [4, с. 304].

Нам известны некоторые места их выхода. Например, первым заемщиком в с. Шахово (Оскочное тоже) был Шахов, пришедший с четырьмя сыновьями из Тулы [9, с. 489]. Вскоре после начала функционирования Белгородской черты в Корочанский у. начинают стекаться и беглые люди. Известно, что в с. Кривцовой (Сиверское тоже) из 12 починков только 1 род Корачугова получил жалованную землю, а другие 11 – «простые мужички», пришедшие из Курского уезда [9, с. 489].

Относительно г. Нежегольска целый ряд исследователей в один голос заявляют, что после его основания в 1654 г. туда свели часть служилых людей из Карпова, Белгорода, Болхова и Корочи [1, с. 19; 13, с. 49; 22, с. 278; 19, с. 152, 163; 23, с. 231].

В целом незначительность частной информации по заселению сельской местности Корочанского у. обуславливается, на наш взгляд, географией заселения г. Яблонова, конкурирующей в свое время с Белгородом на роль ключевой крепости по всей Белгородской черте. Только в течение ее основания с 1641–1642 гг. туда было сведено 1 694 души [19, с. 143–144]. Этого количества было достаточно, чтобы с излишком в 381 душу покрыть вместе взятые гарнизоны крепостей Яблонова, Корочи и Нежегольска по росписи на 1672 г., насчитывающей 766, 533 и 14 душ соответственно [9, с. 85–86]. И это не учитывая естественного прироста, который за 30 лет мог быть значительным, при традиционном воспроизводстве населения.

С самого начала заселения г. Яблонова по причине частых татарских нападений правительство было вынуждено

прибегнуть к принудительному переводу «сведенцев» из других городов [4, с. 304]. Так, в 1641 г. «на вечное житье» туда переводилось 444 сведенца: 100 детей боярских из г. Рыльска, 184 донских и яицких атаманов, есаулов и казаков из г. Тулы, а также 160 конных казаков из Михайлова, Сапожка, Белева, Гремячева, Печерникова и Карабчева. В 1642 г. туда еще свели 1 250 человек. 100 детей боярских: по 25 из Черни и Орла, а также 50 из Мценска. 150 казаков: по 10 из Гремячева и Печерникова, по 20 из Сапожка и Белева, 30 из Карабчева, 60 из Михайлова. Помимо этого, туда была послана еще 1 000 московских стрельцов [19, с. 143–144]. Примечательно, что социальный состав яблоновских сведенцев был не столь родовитый. 200 душ детей боярских составляли всего 11,8% от общего числа служилых людей, в то время как стрельцы составляли 59%, а казаки – 29,2%.

Впоследствии к городу был приписан 31 казак из Голубинской слободы [20, с. 227], видимо, той самой, где жили старажилы – «оскольские казаки». Странно, почему А. И. Папков пишет, что в «Яблонове... черкас не было», т.к. сам же к новопоселенным яблоновцам добавляет выходцев из Опошни [20, с. 227] (Зеньковского у. Полтавской губ.). Необходимо отметить, что весь упомянутый перечень мест выхода в г. Яблонов озвучен нами не полностью. Исследователь-этнограф, канд. ист. наук В. М. Жигулева, проделав анализ сведений XVII в. по этой крепости, заключает, что туда съехались люди из более чем 90 населенных пунктов, начиная от Великого Новгорода и кончая близлежащими поселениями [24, с. 335].

В связи с возможностью статистического анализа первоначальных сведенцев г. Яблонова итог по географии заселения всего Корочанского у. мы проведем отдельно по его крепостям. Итак, половина детей боярских в г. Яблонов была сведена из Курской губ. (г. Рыльск), а другая – из Орловской губ. (Мценск, Чернь и

Орел). Нужно еще отметить, что местная северо-западная траектория туда была представлена только рыльскими детьми боярскими и составляла всего 5,9% от всех первоначальных сведенцев.

Если предположить, что донские и яицкие атаманы, есаулы и казаки, сведенные из Тулы, пребывали там незначительное время, то можно говорить о том, что южная и восточная траектории среди яблоновских сведенцев составляли 10,9%. Однако пример г. Путивля, где в донских казаках служило только 3 потомственных выходца с Дона [25, л. 3 об. – 38], заставляет нас вопрос о наличии южной и восточной траектории заселения г. Яблонова оставить открытым.

Таким образом, при первоначальном заселении г. Яблонова доминировала северная траектория и составляла 83,2% от всех сведенцев (при наличии южной) и 94,1% (при отсутствии последней). Из этого количества 59% составляли московские стрельцы, а остальные 24,2% или 35,1% соответственно составляли выходцы из 3 губерний: Рязанской (Михайлова, Сапожка и Печерникова), Тульской (Белева, Тулы, Гремячева) и Орловской (Карачева, Мценска, Черни, Орла). Впоследствии география заселения еще значительно расширилась более чем на 90 населенных пунктов. К северной траектории всего Корочанского у. прибавился еще Великий Новгород Новгородской губ., Болхов Орловской губ. и значительно расширилась местная траектория заселения: от близлежащих поселений до Корочи и голубинской слободы, а также Карпова, Белгорода и Курского уезда.

Выводы

Подводя итог, отметим, что масштабы переселений в города-крепости с их уездами, располагающимися на Белгородской черте, были колоссальными. В конце 40-х годов XVII века с обжитых мест для сведения были подняты тысячи служилых людей, некоторые города теряли по 30–40% своего населения. Не

меньшие масштабы прослеживались и в 30-х годах XVII века, только там подобным образом разрежалось уже крестьянское население. В совокупности с объемами вновь осваиваемой территории для Московского государства все это являлось новшеством.

Основная разница между географией заселения восточных городов, основанных в 30-х годах XVII в. от центральных и западных, возведенных в 40-х гг. XVII в., состояла в том, что в первом доминировали сходцы, а во втором – сведенцы. Вновь примененная практика массового верстания в служилые люди различных социальных элементов экономически пошатнула феодальный строй, и уже в 40-х годах XVII века правительство приостановило такую практику в подобных масштабах. Таким образом, политический курс государства отразился на социальном облике служилых людей Белгородской черты и Тамбовского вала.

Месторасположение уезда тоже влияло на географию его заселения. Разница между восточными и западными уездами определенно прослеживается. В частности, мы видим наличие обильного потока переселенцев из Рязанских земель (на востоке) и доминирование переселенцев, проходящих через Тульскую и Орловскую губернии (на западе).

Другим фактором, влияющим на роль сведенцев и сходцев в заселении местности, была безопасность заселяемой территории. Мы видим, что для сходцев этот фактор был определяющим при их выборе нового места жительства. В этой связи в относительно безопасных местах на черте, например, в Козлове и Тамбове, абсолютно доминировали сходцы. В других, расположенных на самых проходных шляхах, например, Цареве-Алексееве и Верхосенске, заселение происходило исключительно сведенцами. После сведения некоторая их часть бежала. Иные имели промежуточное положение в плане опасности. Например, Ольшанская, при заселении которой уже нашлось до-

статочное количество желающих вольных людей, но при этом роль сведенцев там тоже имела весомое значение.

Необходимо отметить, что при заселении уездов, расположенных на Белгородской черте, доминировала северная траектория, протекающая в основном из крепостей Тульской оборонительной черты. Да другого и ожидать не приходилось в регионе, занимающем южную окраину государства и нуждающимся в опытных в военном деле людях, уже приспособленных к подобной местности и климату. Однако местная траектория уже занимала значительное положение, особенно в тех местностях, где доминировали сходцы

(Козлов), местное население при основании города уже имелось в большом количестве (Тамбов), поблизости имелись ранее освоенные пространства (Царев-Алексеев возле Старого Оскола), местность была усеяна крепостями, часть сведенцев которых пришли туда из близлежащих городов той же Белгородской черты (Корочанский у.).

Таким образом, в основном на географию заселения уездов, расположенных на Белгородской черте, влияли следующие факторы: социальная политика государства, военная опасность со стороны кочевников и геолокация заселяемой местности.

Список литературы

1. Чижикова Л. Н. Русско-украинское приграничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века). М.: Наука, 1988. 250 с.
2. Загоровский В. П. Белгородская черта: дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 1969. Т. 1. 287 с.
3. Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII вв. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1990. 198 с.
4. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 452 с.
5. Загоровский В. П. Белгородская черта: дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 1969. Т. 2. 250 с.
6. Мизис Ю. А. Система комплектования служилых людей на юге России в XVII в. // История: факты и символы. 2021. № 1 (26). С. 76–87.
7. Нечаев В. В. Формирование казачьего гарнизона в Козлове в XVII веке // Filo Ariadne. 2021. № 1. С. 48–63.
8. Юрасов А. Н. Служить Отечеству! Воронежский край в золотых погонах. Т. 1. Воронеж: Квартал, 2021. 718 с.
9. Благовещенский Н. А. Четвертое право. М.: Тип. Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.
10. Мизис Ю. А. Воевода Московского царства: (Р. Ф. Боборыкин на государственной службе). Тамбов: ИД «Мичуринск», 2012. 368 с.
11. Двухжилова И. В. История Тамбовского края с древнейших времён до середины XIX в. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2009. 108 с.
12. Байдакова Н. Н. Политика российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в XVI – начале XX в. (на примере Тамбовского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.
13. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1913. 544 с.

14. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Оп. 12. Д. 661.
15. Военно-статистическое обозрение Российской империи / издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб.: в Тип. Департамента Генерального штаба, 1850. 253 с.
16. Германов М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Императорского русского географического общества. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. С. 183–327.
17. Бережной А. Л., Искусова Н. Ф. Однодворцы Урыва в XVIII в. // Битюгъ. 2017. № 2. С. 18–29.
18. Рощупкин А. Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI – первой половине XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2016. 282 с.
19. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М.: Тип Д. И. Иноземцева, 1894. 310 с.
20. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 352 с.
21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 85.
22. Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. 602 с.
24. Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI – XVIII столетии (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.). Харьков: Тип. К. П. Счасни, 1886. 358 с.
25. Жигулева В. М. Женская однодворческая одежда южнорусских губерний конца XIX – начала XX в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2010. Сергиев Посад: РЕМАРКО, 2010. С. 333–341.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 40.

References

1. Chizhikova L. N. Russko-ukrainskoe prigranich'e. Iстория i sud'by tradicionno-bytovoj kul'tury (XIX – XX veka) [Russian-Ukrainian borderland. The history and fate of traditional household culture (XIX – XX centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 250 p.
2. Zagorovskij V. P. Belgorodskaya cherta. Diss. dokt. ist. nauk [Belgorod trait. Dr. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1969, vol. 1. 287 p.
3. Mizis Yu. A. Zaselenie Tambovskogo kraja v XVII–XVIII vv. [Settlement of the Tambov region in the XVII – XVIII centuries]. Tambov, TGPI Publ., 1990. 198 p.
4. Novosel'skij A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk. SSSR, 1948. 452 p.
5. Zagorovskij V. P. Belgorodskaya cherta. Diss. dokt. ist. nauk [Belgorod trait. Dr. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1969, vol. 2. 250 p.
6. Mizis Yu. A. Sistema komplektovaniya sluzhilyh lyudej na yuge Rossii v XVII v. [The system of recruitment of military personnel in the south of Russia in the XVII century]. *Istoriya: fakty i simvolы = History: Facts and Symbols*, 2021, no. 1 (26), pp. 76–87.

7. Nechaev V. V. Formirovanie kazach'ego garnizona v Kozlove v XVII veke [Formation of the Cossack garrison in Kozlov e in the XVII century]. *Filo Ariadne*, 2021, no. 1, pp. 48–63.
8. Yurasov A. N. Sluzhit' Otechestvu! Voronezhskij kraj v zolotyh pogonah [To serve the Fatherland! Voronezh Region in golden shoulder straps]. Vol. 1. Voronezh, Kvarta Publ., 2021. 718 p.
9. Blagoveshchenskij N. A. Chetvertnoe pravo [Quarter right]. Moscow, Tip. Tov. Kushnerev i Ko, 1899. 538 p.
10. Mizis Yu. A. Voevoda Moskovskogo carstva: (R. F. Boborykin na gosudarevoj sluzhbe) [Voivode of the Moscow Kingdom: (R. F. Boborykin in the sovereign's service)]. Tambov, Michurinsk Publ., 2012. 368 p.
11. Dvuhzhilova I. V. Iстория Tambovskogo kraя s drevnejshih vremyon do serediny XIX v. [The history of the Tambov region from ancient times to the middle of the XIX century]. Tambov, TGTU Publ., 2009. 108 p.
12. Bajdakova N. N. Politika rossijskih vlastej po otnosheniyu k nekhristianskomu naseleнию i novokreshchenam v XVI – nachale XX v. (na primere Tambovskogo kraя). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The policy of the Russian authorities towards the non – Christian population and New Baptists in the XVI - early XX century (on the example of the Tambov region). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2006. 22 p.
13. Zelenin D. K. Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenebnyh soglasnyh s svyazi s techeniyami pozdnejshej velikorusskoj kolonizacii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive softening of posterior consonants due to the currents of the later Great Russian colonization]. St. Petersburg, Tip. A. V. Orlova, 1913. 544 p.
14. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, op. 12, d. 661.
15. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire]. Vol. XIII, pt. 2. Voronezhskaya guberniya. St. Petersburg, Tip. Departamenta General'nogo Shaba, 1850. 253 p.
16. Germanov M. A. Postepennoe rasprostranenie odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii [The gradual spread of the single-family population in the Voronezh province]. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Kn. XII. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1857, pp. 183–327.
17. Berezhnoj A. L., Iskusova N. F. Odnodvorcy Uryva v XVIII v. [Odnodvorets of the Break in the XVIII century]. *Bityug*, 2017, no. 2, pp. 18–29.
18. Roshchupkin A. Yu. Sluzhilye kazaki goroda El'ca i uezda v konce XVI – pervoj polovine XVII vv. Diss. kand. ist. nauk [Serving Cossacks of the city of Yelets and the county at the end of the XVI– first half of the XVII centuries. Dr. hist. sci. diss.]. Elec, 2016. 282 p.
19. Miklashevskij I. N. K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Pt. 1. Zасelenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII veka [On the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture of the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Tip D. I. Inozemceva, 1894. 310 p.
20. Papkov A. I. Porubezh'e Rossijskogo carstva i ukrainskih zemel' Rechi Pospolitoj (konec XVI – pervaya polovina XVII veka) [The borderlands of the Russian Kingdom and the Ukrainian lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth (late XVI - first half of the XVII century)]. Belgorod, Konstanta Publ., 2004. 352 p.

21. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-30, op. 1, d. 85.
22. Got'e Yu. V. Zamoskovnyj kraj v XVII veke [The Zamoskovskiy region in the XVII century]. Moscow, Tip. G. Lisnera i D. Sovko, 1906. 602 p.
24. Bagalej D. I. Materialy dlya istorii kolonizacii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva v XVI – XVIII stoletii (Har'kovskoj i otchasti Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) [Materials for the history of colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow state in the XVI – XVIII century (Kharkiv and partly Kursk and Voronezh provinces.)]. Har'kov, Tip. K. P. Schasni, 1886. 358 p.
25. Zhiguleva V. M. Zhenskaya odnodvorcheskaya odezhda yuzhnorusskikh gubernij konca XIX – nachala XX v. [Women's odnodvorcheskaya clothes of the South Russian provinces of the late XIX – early XX century]. Sergievo-Posadskij muzej-zapovednik. Soobshcheniya 2010 [Sergiev Posad Museum-Reserve. Messages 2010]. Sergiev Posad, REMARKO Publ., 2010, pp. 333–341.
26. RGADA, f. 210, op. 4, d. 40.

Информация об авторе / Information about the Author

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения Российской общества историков-архивистов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kudlanov777@mail.ru

Konstantin B. Kudlanov, Cand. of Sci. (Historical), Chairman of the Youth Section of the Kursk branch of the Russian Society of Historians and Archivists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kudlanov777@mail.ru